

Рассказы о диких людях
в Курганской, Костромской
и Архангельской областях:
заметки собирателя

Дмитрий В. Громов

*Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН,
Москва, Россия, gromovdv@mail.ru*

Аннотация. В основе статьи лежат материалы, собранные в Курганской (2000, 2005), Архангельской (2000) и Костромской областях (2013). Они сообщают о «диких», или «снежных», людях. Собранная информация соотносится с фольклорными описаниями диких людей из разных регионов мира. Во-первых, они способны отводить от себя опасность с помощью сверхъестественных способностей. Во-вторых, вступают в любовную связь с женщинами, которые рожают от них детей. Рассказы перекликаются с традиционным русским фольклором. В приведенных выше материалах видны пересечения с быличками о леших, с легендами о браке с медведем. В то же время, хотя диких людей и называют лешими, по набору своих признаков они мало соотносятся с ними. Дикие люди – это отдельный фольклорный образ. Из представленных здесь материалов фольклорная составляющая наиболее заметна в рассказах из Курганской области. Несомненно, на рассказы о «снежных людях» определяющее влияние оказывает идущая из медиа гоминологическая информация. Анализируя конкретные записи, довольно сложно с уверенностью разграничить, с одной стороны, влияние СМИ и массовой культуры (в частности, выступления гомиологов), с другой – фольклорные мотивы. Уяснить фольклорную составляющую позволяет сопоставление с рассказами о диких людях, бытующими в разных регионах планеты и послужившими материалом для формирования гоминологии.

Ключевые слова: «снежный/дикий человек», леший, устный рассказ, быличка

Дата поступления статьи: 16 декабря 2025 г.

Дата одобрения рецензентами: 15 января 2026 г.

Дата публикации: 26 сентября 2026 г.

© Громов Д.В., 2026

Для цитирования: Громов Д.В. Рассказы о диких людях в Курганской, Костромской и Архангельской областях: заметки собирателя // Фольклор: структура, типология, семиотика. 2026. Т. 9. № 3. С. 133–142. DOI: 10.28995/2658-5294-2026-9-3-133-142

Stories of wild people in the Kurgan, Kostroma, and Arkhangelsk regions

Dmitrii V. Gromov

*Institute of Anthropology and Ethnography,
Moscow, Russia, gromovdv@mail.ru*

Abstract. This article is based on materials collected in the Kurgan (2000, 2005), Arkhangelsk (2000), and Kostroma (2013) regions. These materials report on “wild people” or “bigfoot”. The collected information correlates with folklore descriptions of wild people from various regions of the world. First, they are able to ward off danger using supernatural powers. Second, they have affairs with women, who bear their children. The stories echo traditional Russian folklore. The materials cited above overlap with folk tales about forest spirits and legends about marriage to bears. At the same time, although wild people are called forest spirits, their characteristics bear little resemblance to forest spirits. Wild people are a distinct folklore character. Of the materials presented here, the folklore component is most prominent in the stories from the Kurgan region. Undoubtedly, stories about “bigfoot” are decisively influenced by hominological information from the media. On the one hand, the influence of the media and popular culture (in particular, the writings of hominologists) is noticeable; on the other, folklore motifs are present. The influence of these two factors is difficult to separate. The folklore component can be clarified by comparing it with stories about wild people living in different regions of the planet. These stories served as the basis for the development of hominology.

Keywords: “Bigfoot / wild man”, wood demon, oral story, bylichka

Received: December 16, 2025

Approved after reviewing: January 15, 2026

Date of publication: September 26, 2026

For citation: Gromov, D.V. (2026), “Stories of wild people in the Kurgan, Kostroma, and Arkhangelsk regions”, *Folklore: Structure, Typology, Semiotics*, vol. 9, no. 3, pp. 133–142, DOI: 10.28995/2658-5294-2026-9-3-133-142

В моей экспедиционной практике несколько раз встречались рассказы о диких людях. Эта тема не была предметом особого внимания, и мне не довелось собрать корпуса текстов, который позволил бы подробно раскрыть данную тему. Кроме того, по объективным причинам материалы разнородны; так, в ряде случаев информанты отказывались от аудиозаписи, и я фиксировал сообщения в полевом дневнике. Однако мое сообщение позволит дополнить обширную информацию о «снежных людях»¹ материалами из трех областей, в которых преобладает русское население.

Летом 2000 г. о диких людях мне рассказал Сергей Игоревич Арефьев (А.С.И.), учитель, краевед и потомственный охотник из села Першино Белозерского района Курганской области. По его рассказам, такие люди живут в окрестных лесах, охотиться на них нельзя, потому что это именно люди, а не животные; «раз бог создал, значит, с какой-то целью». В доказательство человеческой природы диких людей Сергей Игоревич привел то, что они воровали женщин и жили с ними; причем от такого сожительства рождались дети. Были случаи, когда эти дети возвращались к людям и жили среди них. Они ничем не отличались от обычных людей, разве что были более волосатыми («два-три первых поколения такие лохматые и косматые, а потом такие же делаются»). За «рожденными от леших» закрепляются клички: «Их полно. Черт зовут (кличка). Полевской, <говорят> “отец лешак был”. Полевской – дикой (утка есть домашняя, а есть полевская)». Сергей Игоревич обещал мне показать местного жителя, чей предок был «рожден от лешего» («не он пришел, а его прадед, может»).

Также он рассказал о том, как девочка нашла в лесу «детеныша лешака», играла с ним; он был как человеческий младенец, «только страшненький». За ребенком пришла лешачиха и забрала его; потом вернулась, забрала подстилку, на которой он лежал. Когда девочка пришла в деревню, то рассказала о произошедшем взрослым; мужчины пришли на место, но ничего не нашли, кроме норы.

Хотя «леший» и считается человеком, но зиму проводит в берлоге. Здесь, мне кажется, уместно упомянуть об особом отношении местных охотников к медведю; этого зверя считают близким к человеку, «потому что, когда с него шкуру сдерешь, он как человек, как баба»; наш собеседник говорил, что, убивая медведя, извиняется перед ним, говорит, что это не он убил, а ружье убило

¹ Выражение «дикие люди», вынесенное в заголовок статьи, я употребляю как условное обозначение; в ходе бесед с информантами использовались другие слова и выражения, чаще всего гоминологический термин «снежные люди», известный и мне, и информантам из масс-медиа.

(А.С.И.), т. е. медведь, как и «леший», воспринимается как находящийся между людьми и миром животных.

Сергей Игоревич рассказал о недавнем случае, когда мимо покоса, где сметывались стога, по опушке леса («по кустарнику») прошло несколько диких людей, что вызвало у работающих на покосе испуг: несколько человек, метавших сено, сразу же забрались на стог. При этом инциденте присутствовал и Олег Игоревич Арефьев, брат Сергея Игоревича. Он сообщил, что видел диких людей (в том числе самку с детенышем) на Мохнatom болоте на границе с соседним районом. Как опытный охотник, он отметил, что дикий человек умеет оказывать воздействие на расстоянии, т. е. со ста метров в него уже трудно прицелиться, «выстрелить в него нельзя, как оцепеняет» (А.О.И.).

Спустя несколько дней, находясь уже в деревне Стáриково Шумихинского района, я пересказал историю о диком человеке своей давней информантке Анне Федоровне Худяковой, она тут же рассказала в дополнение следующую историю:

...Он был рыбак, они по речке по какой-то плавали – и тоже женщину спасали. Она, значит, сено косила, и её медведь украл. Утащил в берлогу. И, значит, утащил её в берлогу, а эта, медведица, заворчала. Он взял ее, и прямо на ее глазах задавил, задрал. Медведицу свою. А с ней стал жить как с женой. И она двух ему медвежонков родила, это женщина. Ну и вот, теперь чё, уж она прожила семь лет у его. Перво время, говорит, я с голоду замирала, дак он, говорит, на огне мясо обжаривал и всё одно её кормил. Старался. Ну а когда она родила детёнышей-то, он стал как более надеяться на неё. Что она теперь не убежит – дети. И стал эту берлогу открывать. А то уходил, и большим камнем придавлял – она не могла выйти. А с ребятишками она – стал её выпускать. Они ходят, ходят: грит, ягоды собираем с ним ходим, да чё. А теперь – значит, она видит, кака-то тропка, тропка. Она один день по этой тропке со своими с мишками ходила, на другой день, на третий день, и добралась, что это речка, к речке тропка. Ну и решили шта: раз речка, может, кто-то будет на речке. Вот он ушел, сказал: я приду вот когда, с добычей. Пошел за добычей за какой-то. Он, говорит, много добычи таскал всякой, кормил её. Ну, и она решилась бежать. С этими, с ребятишками-та. Подбежала к речке-та, а там плавают эти мужчины двое. Она машет-кричит им – они плывут к ней. Приплыли. Она говорит: «Спасите меня, вот у меня два межвежонка, я семь лет с медведем живу». – «Садися». Ну и вот только на середку сплыли... Ребятишек она оставила... И медведь-то бежит. Да как он, грит, выл! Подымет <медвежонка> и покажет: куда-ты? а их-то оставила? Но она всё же приехала. И она уже речь забыла человеческую за семь лет. Мало, грит, которо уже могла говорить. Вот так. Да и ещё

с испугу, разве не напугалась. И вот они её спасали – так вот этот сродный брат-то и рассказывал, что они как спасли, она им и говорила-та: семь лет я с медведем прожила. Была на покосе, и он меня утащил. Вот так. А насколько это правда – не знаю. <А детей она там оставила?> Оставила двух медвежонков. Они родились не ребёнки, а медвежонки (Х.А.Ф.).

Отрывочные сообщения о диких людях я встречал в Курганской области еще. Так, пожилая женщина из с. Птичьё рассказывала о своих детских воспоминаниях: группа мохнатых людей шла через поле (Т.В.А.). Один из информантов сказал, что русалки, рассказы о которых крайне популярны здесь [Громов 2006], схожи с обезьянами: «Она была образ вроде как обезьяны, но это человек, была русалка. Лохматая, обросшая была. Голова обросшая» (О.А.). В этом мне тоже видится отголосок представлений о диких людях.

Информация о диких людях в Курганской области встречалась не только мне. Так, екатеринбургский фольклорист Алексей Анатольевич Бобрихин рассказывал, что знаком с такой информацией по архивам Свердловского областного дома фольклора; к сожалению, эта информация осталась неопубликованной, так как Алексей Анатольевич недавно скончался.

Весной 2000 г. о диких людях мне рассказал Владимир Черепанов, военный пенсионер из дер. Халуй Каргопольского района Архангельской области (Ч.В.). Во время охоты он видел такого «снежного человека» краем глаза, когда тот пересекал тропу. При этом по форме «человек» показался квадратным. В тот момент мой информант испытал чувство особого страха и высказал мнение, что «снежный человек» может воздействовать на расстоянии. С тех пор он научился распознавать появление поблизости «снежного человека» по ощущению специфического страха, который у него возникал.

Примечательно, что этот страх был привязан к конкретному локусу: он возникал только в одном месте – болотистом урочище Загрязное (лес и поле); здесь же «водит» (информант рассказывал, что однажды заплутал, по непонятным причинам трижды свернув под углом в девяносто градусов), в этом же месте наблюдала странное видение мать информанта.

Данная местность прославилась в начале 1990-х гг. тем, что здесь было «зафиксировано» появление «снежных людей», о котором писали даже в центральной прессе: «снежного человека» с детенышем наблюдали на территории военной части. В 2000 г. местные жители с удовольствием пересказывали мне этот эпизод; издали я видел и ту самую военную часть.

Рис. 1. Карта достопримечательностей Кологривского района: стенд, расположенный на центральной площади Кологрива.

Номером 3 обозначено «Урочище Степановка».

Место обитания снежного человека – кологривского «чудобища».

Лето 2013 г., фото Д.В. Громова

Наконец, третий случай знакомства с текстами о «снежном человеке» – экспедиция Государственного республиканского центра русского фольклора в город Кологрив Костромской области, в которой я участвовал летом 2013 г. (рук. М.Д. Алексеевский). Здесь дикие люди оказались одной из тем местного брендинга и привлечения туристов; в частности, места их обитания были указаны на карте района, вывешенной на главной площади (рис. 1). Нам довелось пообщаться с человеком, который разрабатывал данную тему в рамках брендинга. Он рассказал историю про одного из местных жителей, спецназовца, который по неким причинам личного плана ушел жить в лес; встречавшиеся с ним иногда пересказывали свой опыт как наблюдение «снежного человека». В моей коллекции есть и такой рассказ местного жителя:

Вот Вы спрашиваете про снежного человека. В лесу всякое случается. Мне, например, друг-охотник вот что рассказывал. Оказался он как-то в дальней части леса. Короче, там, где люди особо-то и не ходят. Присел отдохнуть возле тропы, ружье на коленях держит. Вдруг слышит – кто-то прётся через лес, ветки трещат. Вышел на тропу мужчина. Всё лицо заросло бородой. В какой-то поношенной одежде. Стоит, друг на друга смотрят. У моего друга ружье на коленях. Наконец, мой друг говорит: «Ну, что делать-то будем?!» Бородатый развернулся и быстро ушел. Мой друг рассказывал: я остался один, думаю – что-то не так было. И вдруг понял, что – у этого бородатого глаза были без век» (Ч.М.В.).

Рассказы, услышанные в Кологриве, сводились к описанию встреч в лесу с необычными людьми, но, в отличие от рассказов из Курганской области и Каргополья, они не следовали традиционным фольклорным нарративам, не наблюдалось параллелей с другими персонажами быличек².

* * *

Анализируя небольшую подборку моих записей о диких людях, могу сделать несколько обобщений.

Собранные описания соотносятся с фольклорными описаниями диких людей из разных регионов мира [Поршнев 1963]. Во-первых, эти существа способны отводить от себя опасность с помощью сверхъестественных способностей. Во-вторых, дикие люди вступают в любовную связь с женщинами, которые рожают от них детей.

Несомненна не только фольклорная природа бытования рассказов о диких людях [Неклюдов 2024], но и их встроенность в традиционный русский фольклор. В приведенных выше материалах мы видим пересечения с быличками о леших, с легендами о браке с медведем. В Каргополье рассказы о снежных людях привязывались к местам, где «водит» (т. е. были связаны с еще одним сюжетом быличек). В то же время, хотя диких людей и называют лешими, по набору своих признаков они мало соотносятся с этими

² Словарь «Славянские древности» сообщает, что леший имеет вид человека «с белыми выпуклыми глазами (з.-рус.)», у него «нет бровей и ресниц (рус.)» (Левкиевская Е.Е. Леший // Славянские древности: Этнолингвистический словарь: В 5 т. Т. 3. М.: Международные отношения, 2004. С. 104–109); однако такие детали упоминаются не часто, и я не уверен, что кологривский рассказ о диком человеке без век стоит рассматривать как отражение этого фольклорного образа.

мифологическими персонажами³. Дикие люди – это отдельный фольклорный образ. Из представленных здесь материалов фольклорная составляющая наиболее ярко выражена в рассказах из Курганской области.

Несомненно, на рассказы о «снежных людях» определяющее влияние оказывает идущая из медиа гоминологическая информация. Мало того, в гоминологическом дискурсе находился и я как собиратель. Прослушивая записи, я вижу, что навязывал выражение «снежный человек» своим информантам, и они легко поддавались, вслед за мной используя «гоминологическую» терминологию, которая была на слуху. Хотя, как оказалось, в Курганской области «снежный человек» был «лешаком», «полевским» и др. Возможно, благодаря моей исследовательской ошибке часть значимой информации осталась невыявленной.

Анализируя конкретные записи, довольно сложно с уверенностью разграничить, с одной стороны, влияние СМИ и массовой культуры (в частности, выступления гоминологов), с другой – фольклорные мотивы. Уяснить фольклорную составляющую позволяет сопоставление с рассказами о диких людях, бытующими в разных регионах планеты и послужившими материалом для формирования гоминологии [Неклюдов 2012]. Так, выслушав в Каргополье рассказ о «снежном человеке», я с сомнением относился к его фольклорности, подозревая «охотничью байку», возникшую благодаря знакомству рассказчика с гоминологическими публикациями. Такая оценка поддерживалась и статьей Н.В. Петрова, убедительно показавшего, что рассказы о «снежном человеке» в Каргополье стимулировались публикациями в местных СМИ [Петров 2017]. Однако нельзя не признать, что рассказ нашего информанта соответствует широко распространенному мотиву о невидимости «снежного человека» для охотников, и это говорит в пользу его фольклорного характера.

Список информантов

- А.О.И. – Арёфьев Олег Игоревич, Курганская обл., Белозёрский р-н, д. Першино. Зап. август 2000 г.
А.С.И. – Арёфьев Сергей Игоревич, 1964 г. р. Курганская обл., Белозёрский р-н, д. Першино. Зап. август 2000 г.
О.А. – Овчинников Александр, ок. 1930 г. р. Курганская обл., Шумихинский р-н, д. Благовещенье. Зап. 10 сентября 1999 г.

³ Левкиевская Е.Е. Леший // Славянские древности... Т. 3. С. 104–109.

- Т.В.А. – Торопова Валентина Афанасьевна, ок. 1940 г. р. Курганская обл., Шумихинский р-н, с. Птичье. Зап. 25 августа 2005 г.
- Х.А.Ф. – Худякова Анна Федоровна, 1913 г. р. Курганская обл., Шумихинский р-н, с. Птичье. Зап. август 2000 г.
- Ч.В. – Черепанов Владимир, о к. 1945 г.р. Архангельская обл., Каргопольский р-н, д. Халуй. Зап. 15 мая 2000 г.
- Ч.М.В. – Чистов Михаил Владимирович, 1963 г. р. Костромская обл., г. Кологрив. Зап. июль 2013 г.

Литература

- Громов 2006 – *Громов Д.В.* Русалочки озера Курганской области // Живая старина. 2006. № 4. С. 11–13.
- Неклюдов 2012 – *Неклюдов С.Ю.* Снежный человек как персонаж низшей мифологии // Демонология как семиотическая система: Тезисы докладов Второй научной конференции (Москва, РГГУ, 15–16 июня 2012 г.). М.: [РГГУ], 2012. С. 62–63.
- Неклюдов 2024 – *Неклюдов С.Ю.* Эвиденциальность как «внутренний комментарий» текста: свидетельства о «диком человеке» // Фольклор: структура, типология, семиотика. 2024. Т. 7. № 2. С. 58–80.
- Петров 2017 – *Петров Н.В.* Страшная месть снежного человека: каргопольский случай // Городские тексты и практики. Т. 2: Ньюслор: фольклорная интерпретация актуальных событий / сост. А.С. Архипова*, Д.А. Радченко. М.: Издат. дом «Дело» РАНХиГС, 2017. С. 16–44.
- Поршнев 1963 – *Поршнев Б.Ф.* Современное состояние вопроса о реликтовых гоминоидах. М.: ВИНТИ, 1963. 415 с.

References

- Gromov, D.V. (2006), "Mermaid lakes of the Kurgan region", *Zhivaya starina*, no. 4, pp. 11–13.
- Neklyudov, S.Yu. (2012), "Yeti as a character of lower mythology", in *Demonologiya kak semioticheskaya sistema: Tezisy dokladov Vtoroi nauchnoi konferentsii (Moskva, RGGU, 15–16 iyunya 2012 g.)* [Demonology as a semiotic system: Abstracts of the Second Scientific Conference (Moscow, RSUH, June 15–16, 2012)], RGGU, Moscow, Russia, pp. 62–63.

* Министерством юстиции России внесена в список физических лиц – «иностранных агентов».

- Neklyudov, S.Yu. (2024), "Evidentiality as an 'internal commentary' on the text: Testimonies about the 'wild man'", *Folklore: Structure, Typology, Semiotics*, vol. 7, no. 2, pp. 58–80.
- Petrov, N.V. (2017), "The Yeti's terrible revenge: The Kargopol case", in Arkhipova*, A.S. and Radchenko, D.A., comps., *Gorodskiye teksty i praktiki. Tom 2: N'yuslor: fol'klornaya interpretatsiya aktual'nykh sobytii* [Urban texts and practices. Vol. 2: Newslore: folklore interpretation of current events], Izdatel'skii dom «Delo» RANKHiGS, Moscow, Russia, pp. 16–44.
- Porshnev, B.F. (1963), *Sovremennoye sostoyaniye voprosa o reliktovykh gominoidakh* [The current state of the issue of relict hominoids], VINITI, Moscow, USSR.

Информация об авторе

Дмитрий В. Громов, доктор исторических наук, Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, Москва, Россия; 119334, Россия. Москва, Ленинский пр-кт, д. 32а; gromovdv@mail.ru
ORCID ID: 0000-0002-0443-8718

Information about the author

Dmitrii V. Gromov, Dr. of Sci. (History), Institute of Anthropology and Ethnography, Moscow, Russia; 32a, Leninsky Av, Moscow, Russia, 119334; gromovdv@mail.ru
ORCID ID: 0000-0002-0443-8718